

9 июня 1997 года в Париже умер Окуджаву. Его лично знало страшное количество людей, он активно печатался, был на виду — и тем не менее о его жизни известно куда меньше, чем о жизни полуподпольного барда Владимира Высоцкого. Окуджаву пугал следы, уходил от общественного внимания, «забывал» свои тексты и менял их датировки — в общем, не подпускал к себе. «Да и зачем тебе с ним знакомиться? — сказала одна девушка, которой посчастливилось как-то увидеть Окуджаву и молча постоять рядом с ним две минуты. — Вот представь, что перед тобой стоит живой Лермонтов. И что ты ему скажешь? «Спасибо за ваши стихи»?!» Вот некоторые подробности, о которых мало кто знал.

ДМИТРИЙ БЫКОВ

Дело своего расстрелянного отца Шалвы Окуджавы (он — один из немногих — не оговорил себя, не признал ни одного обвинения) Булат Шалвович всегда хранил в ящике письменного стола: копию дела ему выдали на руки в Свердловске в 1989 году.

После расстрела отца и ареста матери, которая до 1947 года пробыла в заключении, а с 1949 по 1955-й — в ссылке, тринадцатилетний Булат был близок к безумию: его растили фанатичным «красным мальчиком», он с десяти лет сочинял революционные стихи и романы и не верил, что страна может так ошибиться. Тетке пришлось придумать версию о том, что родители не арестованы, а отправлены на Запад с секретным заданием. Отношение Окуджавы к Сталину переломилось только в первые послевоенные годы.

Свою самую первую песню «Нам в холодных теплушках не спалось» Окуджава написал на фронте, в 1943 году. Кроме этой первой строчки, от нее ничего не уцелело. Вторая песня — «Неистов и упрям» — была сочинена в 1946 году, в актовом зале Тбилисского университета, где Окуджаву во время репетиции студенческого спектакля вдруг начал одним пальцем подбирать на рояле мелодию к недавно написанному стихотворению: «Неистов и упрям, гори, огонь, гори. На смену декаблям приходят январь». О существовании Вертинского Окуджава в те годы только слышал, зато знал и любил петь народные песни. Кстати, сочинять мелодии он предпочитал без гитары, а именно при помощи фортепиано, подбирая мотив на слух. Так написан и знаменитый марш для фильма «Белорусский вокзал», сочиненный по заказу режиссера Андрея Смирнова. Смирнову песня при первом исполнении не понравилась, но присутствовавший тут же Альфред Шнитке сказал, что «в этом что-то есть». Впоследствии именно из этого марша в его аранжировке родился мощный финал картины, поначалу никем не предусмотренный.

Сохранилась единственная запись, где Окуджаву сам аккомпанирует себе на фортепиано: там он впервые исполняет только что сочиненную песню «Лезть бы Гусаку в жаровню на боку» (1968) — отклик на подавление «пражской весны» и воцарение советского ставленника Густава Гусака.

Главный день рождения в своей жизни — 9 мая 1945 года — Окуджаву отметил в Тбилиси, где жил у тетки после возвращения с фронта (он был комиссован осенью 1944 года по тяжелому второму ранению — впервые был относительно легко ранен в ногу в начале 1942 года). В Тбилиси он поступил на филфак местного университета и отмечал День Победы с другим комиссованным студентом, своим товарищем-грузином. Трапеза состояла из двух бутылок «Цинандали». До Дня Победы 9 мая было Днем работников сельского хозяйства.

В 1985 году публицист Илья Мильштейн, работавший тогда в журнале «Шахматы в СССР»,

брал интервью у Окуджавы. В заголовке интервью он вынес строчку из совершенно запрещенного тогда Галича (хранение его записей вменялось диссидентам в преступление и год спустя).

Окуджаву спокойно прочитал интервью, ничего не поправил и вернул.

— Булат Шалвович! — не выдержал Мильштейн. — Вы название-то заметили?

шин по поводу «Путешествия дилетантов»: в вину Окуджаве ставилось то, что герои его весной (!!!) закусывают малосольными огурцами. Пафос статей Бушина сводился к тому, что полуармянин-полугрузин Окуджаву не знает русской истории и не имеет морального права писать о ней. В анкете «Литературной газеты», отвечая на вопрос о влиянии критики на свое творчество, Окуджаву, неизменно лаконичный, отделился одной фразой: «Читая статьи В. Бушина, я убедился, что нахожусь на правильном пути».

Некоторые свои песни Окуджаву «забывал», ни когда не исполнял и запрещал включать в сборники. Одна такая песня — шуточные куплеты «Марья Петровна идет за селедочкой, около рынка живет, а над Москвою серебряной лодочкой новенький спутник плывет» (1957). Другая — знаменитая в свое время песня

«Ты в чем виновата?». Ее Окуджаву написал после расставания с первой женой. Ровно через год после развода, день в день, его первая жена (ей было всего 39 лет) умерла от разрыва сердца. Для Окуджавы это был один из самых тяжелых ударов в жизни.

За несколько месяцев до своей смерти Булат Шалвович пережил гибель старшего сына, перед которым всю жизнь чувствовал вину. После смерти сына здоровье Окуджавы резко ухудшилось.

Самым тяжелым и страшным днем своей жизни Окуджаву называл первый день на передовой, когда он, семнадцатилетний, с ужасом вдруг осознал всю слабость и уязвимость человека. Говорить о войне он, как большинство настоящих фронтовиков, избегал, с ветеранами общался редко, с однополчанами встречался всего дважды в жизни — в пятидесятые и семидесятые — и оба

раза с трудом находил темы для разговора. Песню «Здесь птицы не поют» он избегал петь на концертах, говоря, что ее «трудно подбрать». Войну Окуджаву до последних дней жизни считал главным злом и в одном из интервью, данном вскоре после буенновских событий 1995 года, твердо сказал: «Когда-нибудь этому человеку (Шамилю Басаеву. — Д.Б.) поставят памятник за то, что он остановил войну».

Несмотря на неоднократные упреки в пацифизме, Окуджаву отнюдь не был пацифистом в отстаивании собственной чести. Однажды Невзоров упрекнул его в том, что он в свое время подарил свою книгу Анатолию Лукьянову, а когда того арестовали, ничего не сделал, чтобы вызвать поэта-собрата. Окуджаву был потрясен этой чудовищной ложью: он видел Лукьянова единственным раз в жизни и дал ему автограф так же, как раздал в своей жизни десятки тысяч других автографов. «Жалко, что Невзоров не ходит в ЦДЛ, — заметил он однажды. — Встречу — непременно дам пощечину». «Настоящий интеллигент должен уметь защитить себя», — говорил он в другой беседе с журналистом.

Быстрее всего — за десять минут — Окуджаву сочинил «Песенку о Ленке Королеве». Дольше всего сочинялась «Молитва», которую для публикации пришлось назвать «Молитва Франсуа Вийона». Здесь между стихами и музыкой прошло три года.

На самом деле стихотворение обращено к жене, лежавшей тогда в больнице. Окуджаву всю жизнь называл себя атеистом: «Я уважаю веру других людей и хочу, чтобы они также уважали мои убеждения». Крещение он по настоянию жены принял за несколько часов до смерти, в Париже. Данное ему при крещении имя было — Иоанн.

Странно, что в своей автобиографической прозе он предпочитал называть себя Иваном Ивановичем.

Лучше всех сказал один из православных священников: «Окуджаву только думал, что он не верит. На самом деле его песни — это псалмы нашего века».

Псалмы Иоанна

Малоизвестные факты из жизни Булата Окуджавы

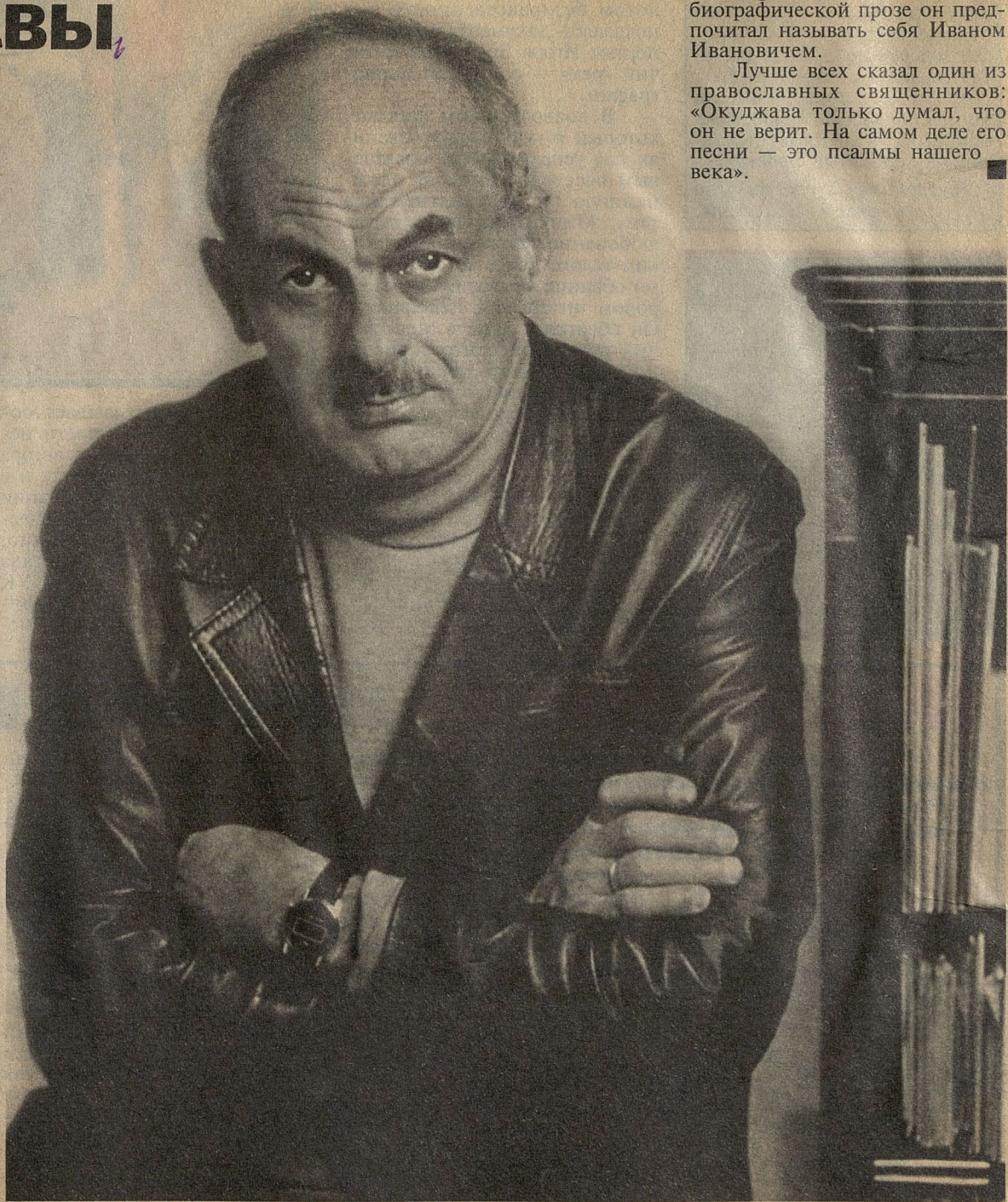
Окуджаву внимательно посмотрел на него сквозь очки, усмехнулся и сказал: «Обижаешь, старик».

Это была первая песенная строчка Галича, опубликованная в Советском Союзе.

Вообще же к Галичу он относился сдержанно: высоко ценя некоторые его песни («Ошибку», «Она вещи собрала, сказала тоненько...»), никогда не принимал Галича-человека, в котором его отталкивали поза, снобизм, некоторое советское барство. Особенно его задевало то, что Галич часто упоминал о своем участии в войне, хотя на фронте не был. Галич в свою очередь ревновал к успеху Окуджавы — более всенародному и прочному, чем клановая, узкоинтеллигентская слава Галича. В разговоре с Сахаровым он придиричиво заметил, что в знаменитой «Песенке о Моцарте» заметна явная нестыковка: нельзя играть на скрипке, «не убирая ладоней со лба». Галич — кажется, единственный крупный поэт-современник, которому Окуджаву не посвятил стихотворения. Вообще же стихи с посвящениями составляют больше трети всего его наследия — столько посвящений нет ни у одного русского поэта.

Пристрастной критике Окуджаву относился с неизменной иронией. Даже форменная травля, развязанная в начале шестидесятых, его не смутила. «Больше всего, — рассказывал он, — меня восхитила фраза в одном фельетоне: «За таким поэтом девушки не пойдут! Девушки пойдут за Твардовским и Исаковским». Я никогда не представлял, что есть такой критерий — за кем пойдут девушки».

В семидесятые годы Окуджаву стал мишенью яростных ксенофобских статей известного ультрапатриота Владимира Бушина. Особенно неистовствовал Бу-

Окуджаву Булат

20.6.01